

DOI: <https://doi.org/10.59849/2957-3882.2026.1.101>

ВОДА КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ, СИРИИ И ИРАКА (1960–1980-Е ГОДЫ)

Фарман АМИРОВ

Диссертант кафедры “Политические науки”

Западно-Каспийского Университета

farmanamirov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5470-5995>

Дата поступления: 16.12.2025

Дата исправления: 23.12.2025

Дата утверждения к публикации: 04.03.2026

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется роль водных ресурсов в политических и экономических отношениях Турции, Сирии и Ирака с 1960-х годов до конца 1980-х годов. Автор исследует взаимосвязь между развитием гидротехнических проектов в этих странах, эволюцией региональной гидродипломатии и формированием конфликтов вокруг трансграничных рек Тигр и Евфрат. Отмечается, что период 1960–1980-х годов стал этапом трансформации водных отношений между Турцией, Сирией и Ираком. В течение этих трёх десятилетий вода из природного ресурса превратилась в инструмент геополитического влияния и национальной безопасности. Попытки создания институциональных структур, таких как Совместный Технический Комитет (СТК), предпринимавшиеся в 1960-е годы, в начале 1970-х и в 1980-е годы, в итоге не дали желаемых результатов, поскольку соседние государства не смогли достичь согласия по принципам распределения водных ресурсов бассейна. Отсутствие институциональных механизмов, неравномерное распределение воды и политизация проблемы превратили бассейн Тигра и Евфрата в один из наиболее напряжённых регионов Ближнего Востока. Другим важным фактором стало увязывание водного вопроса с проблемами безопасности и регионального развития. Обладая географическими и технологическими преимуществами, Турция использовала гидроэнергетические проекты не только в целях экономического роста, но и как средство политического давления на страны нижнего течения. Сирия, в свою очередь, стремилась использовать «курдскую карту» в противостоянии с Турцией.

Ключевые слова: *Турция, Сирия, Ирак, бассейн рек Евфрат и Тигр, проект «Юго-Восточная Анатолия» (GAP), водные отношения*

TÜRKİYƏ, SURİYA VƏ İRAQ ARASINDAKI QARŞILIQLI MÜNASİBƏTLƏRDƏ SU VACİB ELEMENT KİMİ (1960-1980-Cİ İLLƏR)

Fərman ƏMİROV

Qərbi Kaspi Universitetinin “Siyasi elmlər”

kafedrasının dissertantı

farmanamirov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5470-5995>

Daxilolma tarixi: 16.12.2025

Düzəliş tarixi: 23.12.2025

Nəşrə təsdiq tarixi: 04.03.2026

XÜLASƏ

Məqalədə 1960-cı illərdən başlayaraq 1980-ci illərin sonlarına qədər Türkiyə, Suriya və İraqın siyasi və iqtisadi münasibətlərində su ehtiyatlarının rolu təhlil edilir. Müəllif bu ölkələrdə hidrotexniki layihələrin inkişafı ilə regional hidrodiplomatikanın təkamülü və transsərhəd Dəclə və Fərat çayları ətrafında münaqişələrin formalaşması arasındakı əlaqəni araşdırır. Qeyd olunur ki, 1960-1980-ci illər dönməsi Türkiyə, Suriya və İraq arasında su münasibətlərində transformasiya dövrü olmuşdu. Bu üç onillik ərzində su təbii sərvətdən geosiyasi təsir və milli təhlükəsizlik alətinə çevrilmişdi. 1960-cı illərdə, 1970-ci illərin əvvəllərində və 1980-ci illərdə Ortaq Texniki Komitə (OTK) kimi institusional struktur yaratmaq cəhdləri nəticədə istənilən effekti vermədi, çünki qonşu ölkələr hövzənin su ehtiyatlarının bölüşdürülməsi prinsipləri barədə razılığa gələ bilmədilər. İnstitusional strukturun olmaması, suyun qeyri-bərabər paylanması və məsələnin siyasiləşməsi Dəclə-Fərat hövzəsini Yaxın Şərqi ən gərgin bölgələrindən birinə çevirdi. Digər əhəmiyyətli amil suyun təhlükəsizlik və regional inkişaf məsələləri ilə əlaqələndirilməsi idi. Coğrafi və texnoloji üstünlükləri ilə Türkiyə hidro-enerji layihələrindən təkcə iqtisadi artım üçün deyil, həm də aşağı axın ölkələrinə siyasi təzyiq göstərmək üçün istifadə edirdi. Suriya da öz növbəsində Türkiyəyə qarşı “kürd” kartından istifadə etməyə çalışdı.

Açar sözlər: *Türkiyə, Suriya, İraq, Dəclə və Fərat çayları hövzəsi, Cənub-Şərqi Anadolu Layihəsi (GAP), su münasibətləri.*

WATER AS AN ESSENTIAL ELEMENT IN RELATIONS BETWEEN TURKEY, SYRIA AND IRAQ (1960S–1980S)

Farman AMIROV

*Dissertation candidate of the Department
of “Political Science” of the Western Caspian University
farmanamirov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5470-5995>*

Date of submission: 16.12.2025

Date of revision: 23.12.2025

Date of acceptance for publication: 04.03.2026

ABSTRACT

This article analyzes the role of water resources in the political and economic relations of Turkey, Syria, and Iraq from the 1960s to the late 1980s. The author examines the relationship between the development of hydrotechnical projects in the riparian countries and the evolution of regional hydrodiplomacy and the formation of conflicts around the transboundary Tigris and Euphrates rivers. It is noted that the period from the 1960s to the 1980s marked a transformation in water relations between Turkey, Syria, and Iraq. Over these three decades, water transformed from a natural resource into an instrument of geopolitical influence and national security. Attempts to establish an institutional structure such as the JTC in the 1960s, early 1970s, and in the 1980s ultimately failed to produce the desired effect, as the riparian countries were unable to agree on the principles for distributing the basin's water resources. The lack of an institutional structure, uneven water distribution, and the politicization of the issue made the Tigris-Euphrates basin one of the tensest areas in the Middle East. Another significant factor was the intertwining of the water agenda with security and regional development issues. Turkey, with its geographical and technological advantages, used hydropower projects not only for economic growth but also to exert political pressure on downstream countries. Syria, in turn, sought to use the “Kurdish” card against Turkey.

Keywords: *Turkey, Syria, Iraq, Tigris-Euphrates river basin, Southeastern Anatolia Project (GAP), water relations*

Введение

Водные ресурсы всегда имели особое значение для Ближнего Востока-региона, где климатические условия, дефицит осадков и быстрый рост населения делают воду не просто жизненно необходимым, но и стратегическим ресурсом. Особое место в этом контексте занимают реки Евфрат и Тигр, формирующие крупнейший трансграничный бассейн Западной Азии. С середины XX века до конца 1980-х годов вода стала одним из ключевых измерений политики и безопасности в треугольнике Турция-Сирия-Ирак. Речь шла не только о распределении стока и управлении гидротехническими сооружениями на Тигре и Евфрате, но и о более широком комплексе вопросов- региональном развитии, энергетике, продовольственной безопасности, доктринах международного водного права, а также о связях водной повестки с конфликтами и режимами безопасности, включая противостояние Турции с Рабочей партией Курдистана (РПК) и межарабскую конкуренцию Дамаска и Багдада. В результате вода – особенно в бассейне Евфрата- выполняла двойную роль: структурного фактора, предопределявшего поведение сторон в силу географии и асимметрии истоков и потребностей, и инструмента политической «сцепки» (issue-linkage), позволяющего добиваться уступок в смежных областях (безопасность, транзит, энергетика).

Исторически бассейны Тигра и Евфрата находились под единым управлением различных империй. Последней такой державой являлась Османская империя, с распадом которой и образованием новых государств и было заложено основание для будущих водных конфликтов. Именно с этого момента проблема использования вод Турцией, Сирией и Ираком стало предметом обсуждений и соглашений. Это во многом было связано с тем, что проблемный характер вод Евфрата и Тигра связан с расположением их бассейнов. В целом же до 1960-х годов отношения трёх прибрежных государств- Турции, Сирии и Ирака - в области распределения водных ресурсов можно охарактеризовать достаточно гармоничными и мирными. В тот период не возникало острой необходимости в разработке режима для более эффективного управления и использования вод в бассейне, поскольку ни одна из стран не участвовала в крупных проектах развития, которые могли бы привести к чрезмерному водопотреблению в бассейне рек Евфрат и Тигр.

В указанный период одним из важнейших правовых документов, касающихся вод речной системы Евфрат и Тигр, является протокол, прилагаемый к Договору о дружбе и добрососедских отношениях между Ираком и Турцией 1946 года. Этот протокол обеспечивает основу для обеих сторон в решении вопросов, связанных с их интересами в речной системе (Electronic resource 1946).

Водная дипломатия между Турцией, Сирией и Ираком

В начале 1960-х годов строительство сирийской плотины Табка и стремление Турции установить контроль над водами Евфрата посредством реализации проекта плотины Кебан спровоцировали первую напряжённость между прибрежными государствами по вопросу совместного использования рек. Прибрежные государства, расположенные ниже по течению, в частности Ирак, настаивали на гарантированном сбросе Турцией объёма воды (минимум 350 кубометров в секунду) в период затопления. Поэтому первая встреча состоялась в июне 1964 года с участием турецких и иракских экспертов. По итогам переговоров Турция гарантировала принятие всех необходимых мер для поддержания расхода воды на уровне 350 кубометров в секунду непосредственно ниже плотины, при условии, что естественный сток реки будет достаточным для обеспечения этого расхода. Кстати, согласие Турции об отпуске 350 м³/с во многом было обусловлено давлением со стороны Агентства США по международному развитию (USAID) и Всемирного банка, финансовых доноров плотины Кебан. Именно эти структуры посоветовали турецкой стороне проконсультироваться с государствами нижнего течения и учесть их опасения. Лишь выполнив это условие, Турция получила необходимые кредиты. Впоследствии объём отпускаемой Турцией воды на реке Евфрат сначала был увеличен до 450,

а в 1976 году – до 500 кубометров в секунду (Turan, I. 2011, с. 181). В 1979-1980 годах Турция письменно обязалась гарантировать подачу не менее 500 м³/с воды из Евфрата для получения финансирования Всемирного банка; дополнительные средства ЕИБ, Швейцарии, Италии и внешние займы покрыли половину стоимости проекта в размере 1,16 млрд долларов США (Williams P., с. 42).

На первой встрече в июне 1964 года Турция предложила создать Совместный технический комитет (СТК) с целью инспектирования каждой реки для определения её среднегодового расхода. После этой первой технической встречи между Турцией и Ираком было проведено ещё несколько специальных встреч. Наиболее примечательной из них стала первая трёхсторонняя встреча, состоявшаяся в Багдаде в 1965 году, где три делегации обменялись техническими данными по плотинам Хадита (Ирак), Табка (Сирия) и Кебан (Турция). В соответствии с предложением Турции Сирия высказала мысль о целесообразности заказа исследования Совместного технического комитета (СТК) потребностей орошаемых земель в воде, а затем изучения возможности покрытия возможного дефицита воды, поступающей из Евфрата, путём переброски части воды из реки Тигр в Евфрат. Ирак решительно выступил против этого предложения и настаивал на ведении переговоров только по водам Евфрата. В 1970-х годах делегации трёх стран неоднократно собирались для обмена информацией по техническим вопросам, связанным с водохранилищами. При этом был проведен ряд заседаний СТК, однако соглашение о правах на воду на них не обсуждалось (Kibaroglu A., Ünver O., 2000, с. 314; Kibaroglu A., Scheumann W., 2011, с. 283). В те годы считалось, что проблемы трансграничных вод относятся к среднему диапазону экономических и технических задач, которые могут решаться официальными техническими делегациями. Поэтому переговоры по водным ресурсам проводились технократами из центральных водохозяйственных агентств прибрежных стран в сопровождении дипломатов, которые давали советы и контролировали переговоры, особенно когда обсуждались международные правовые и политические аспекты (Kibaroglu A., Scheumann W., 2013, с. 285).

Сирия и Ирак постоянно стремятся обеспечить необходимое количество воды для удовлетворения своих бытовых, сельскохозяйственных и промышленных потребностей, поскольку находятся в нижнем течении бассейна. Кроме того, они считают эти бассейны «международными водотоками», которые должны рассматриваться всеми прибрежными пользователями как единое целое. Тем самым они претендовали равные права на международные воды. Со своей стороны, Турция считает реки Евфрат и Тигр «трансграничными реками», которые находятся под её исключительным суверенитетом до тех пор, пока они не пересекут границу, а после слияния с рекой Тигр, образуя реку Шатт-эль-Араб, становятся международной рекой. Более того, Турция отказывает странам, расположенным ниже по течению, в праве совместного суверенитета над водами страны, расположенной выше по течению, и наоборот. Вдобавок, Турция рассматривает бассейны рек Тигр и Евфрат как единый бассейн, поскольку они объединяются, образуя реку Шатт-эль-Араб, а также благодаря массовому перетоку воды между реками Тигр и Евфрат через систему Тартар, в то время как Сирия и Ирак считают их двумя отдельными бассейнами (Çarkoğlu A., Eder M., 2001, с. 58; Al-Ansari N., 2018, с. 200).

В 1973 году вступила в строй турецкая плотина Кебан, а в 1974 году – сирийская плотина Табка. Это вызвало серьёзную напряжённость в отношениях между Ираком и Сирией. Кстати, до той поры иракский забор воды из Евфрата достигал, по оценкам, 45 процентов среднегодового потока. Сирия пообещал Ираку поставлять 200 млн кубометров воды с плотины Табка. В тот момент благодаря уступкам Сирии удалось избежать конфликта. Однако разногласия между Ираком и Сирией вновь обострились в 1975 году, когда Сирия начала запруживать озеро Асад, лишив Ирак части обещанной ему воды, поскольку, по утверждениям Сирии, она не получала половину своего обычного притока из Турции. Таким образом, нехватка воды в сочетании с традиционной напряжённостью между двумя соперничающими партиями Баас поставили Ирак и Сирию на грань вооруженной вражды. Официальный Багдад обратился 7

апреля 1975 года в Лигу арабских государств с просьбой о срочном созыве встречи министров иностранных дел; по утверждению иракских властей, сток Евфрата упал с нормальных 920 м³/с до 197 м³/с, что поставило под угрозу жизни 3 миллионов иракских фермеров. В конце апреля Лига арабских государств сформировала «технический комитет» из представителей Сирии, Ирака и семи других арабских стран для посредничества в этом споре. Однако 1 мая Сирия объявила, что не будет участвовать в работе комитета. В течение мая кризис обострялся. 13 мая Сирия закрыла свое воздушное пространство для всех иракских самолетов и приостановила полеты сирийских самолетов в Багдад. К концу месяца, как сообщается, Сирия перебросила войска со своего южного фронта с Израилем, на иракскую границу. По мере роста угрозы военного столкновения между двумя странами Саудовская Аравия предприняла очередную посредническую попытку. 3 июня саудовцы достигли договоренности, согласно которой Сирия согласилась сбросить дополнительный объем воды из Табки. В урегулировании конфликта наряду с Саудовской Аравией также важную роль сыграл Советский Союз (Thomas N., 1984, с. 82-84; Lorenz F.M., 1999, с. 22-23).

Через год после кризиса Турция заложила фундамент плотины Каракая и гидроэлектростанции ниже по течению от Кебана. Среди источников финансирования этого второго важного шага в схеме развития нижнего Евфрата имелся и Всемирный банк. На этот раз Турция в одностороннем порядке гарантировала минимальный расход в 500 куб. м/с, «чтобы адекватно защитить интересы государств нижнего течения» (Kut G., 1993, с.5). Кстати, в 1977 году в связи начавшимся строительством плотины Каракая в турецко-иракских отношениях произошло обострение. 20 ноября 1977 года Ирак прекратил подачу нефти по нефтепроводу Киркук-Юмурталык, который был введен в строй в январе того же года. Хотя оправданием служила неуплата Турцией своего долга в размере 330 миллионов долларов, настоящей причиной было сокращение объема сбрасываемой воды при строительстве плотины Каракая. Официальный Багдад заявил, что переговоры по нефтяному долгу могут начаться только после восстановления нормального уровня воды в Евфрате. Когда Турция дала эти гарантии, Ирак подписал соглашение в августе 1978 года (Baskin Oran, 2002, с.142-143).

Следует отметить, что в 1960-70-е годы вопрос о справедливом распределении водных ресурсов упомянутого бассейна в значительной степени носил гипотетический характер, поскольку гидропроекты, особенно же турецкие, все еще находились в стадии планирования или же начального этапа строительства. Даже упомянутый конфликт 1975 года представлялся как временное явление, вызванное заполнением плотин Кебан и Табка. Однако, чем дальше развивались турецкие и сирийские ирригационные и энергетические проекты, тем больше данный вопрос приобретал более явные черты. Иными словами, проблема нехватки воды для стран нижнего течения, и в первую очередь для Ирака, постепенно переходила из области гипотетической в реальность: к концу 1970-х – началу 1980-х годов турецкий «Проект Юго-Восточной Анатолии» (GAP) получил окончательное оформление и был поставлен в плоскость практической реализации.

Когда использование Турцией вод Евфрата и Тигра стало неизбежным, усилия по переговорам об урегулировании ускорились. Поскольку вопросы, связанные с гидроэнергетическими проектами вдоль рек Тигр и Евфрат, сложны и имеют далеко идущие последствия, трем прибрежным государствам пришлось искать способы структурирования диалога между собой. Поэтому на этот раз Ирак выступил с инициативой создания постоянного Совместного технического комитета (Kibaroglu A., Ünver O., 2000, с.316). Кстати, к концу 1970-х - началу 1980-х годов наблюдалось политическое сближение Турции и Ирака; наличие значительного курдского населения в обеих странах, среди которого недовольство центральной властью вылилось в вооруженные выступления, побудило эти государства к сотрудничеству для подавления продолжающегося курдского восстания и предотвращения их использования соседями. В то время как Сирия использовала курдов в качестве разменной монеты в переговорах с Турцией по водным ресурсам (Daoudy M., 2009, с.372).

В отличие от Ирака, курдская проблема на юго-востоке Анатолии стала основным инструментом торга для Сирии. Яростно выступая против Ирака, не имея большой переговорной силы с точки зрения своей экономической и военной мощи по отношению к Турции и неспособная достичь удовлетворительного результата через международные правовые каналы, Сирия использовала «курдскую карту» в полной мере (Çarkoğlu A., Eder M., 2001, с.59). Поддержка Сирией террористических организаций с целью давления на Турцию по вопросу совместного использования рек привела к тому, что проблема водных ресурсов приобрела политическое измерение в период после 1980-х годов. Еще больше Сирия усилила поддержку РПК после того, как Турция начала строительство плотины Ататюрка в 1983 году. Таким образом, вода и терроризм переплелись как два основных вопроса, определявших турецко-сирийские отношения в этот период. Кстати, Сирия оказывала поддержку и иракским курдским организациям, борющимся с багдадским правительством (Gökcan Ö., 2018, с.174).

Гидрогегемония Турции между Сирией и Ираком

Однако положительная динамика турецко-иракских отношений того времени возымела действия. На заседании турецко-иракской смешанной экономической комиссии в декабре 1980 года обе стороны договорились о создании Совместного технического комитета (СТК) для изучения вопросов, касающихся региональных вод, в частности, бассейнов рек Евфрат и Тигр. Первое заседание СТК состоялось в мае 1982 года. В 1983 году к заседаниям присоединилась Сирия, и с тех пор СТК проводился на трехсторонней основе. Основными вопросами повестки дня СТК были: обмен гидрологическими и метеорологическими данными и информацией в бассейне Евфрата и Тигра, а также информацией о ходе строительства плотин и ирригационных систем в трёх прибрежных странах; обсуждение первоначальных планов заполнения плотин Каракая и Ататюрк; разработка методологии определения разумного и целесообразного объёма воды, необходимого для стока рек Евфрат и Тигр (Bilen Ö., 2000, с.75-76). Фактически, СТК послужил площадкой для Турции, позволившей представить проекты GAP как социально-экономическую программу и убедить международных доноров в том, что она уведомила государства, расположенные ниже по течению, о проекте. Хотя прибрежные государства обменивались техническими данными и информацией на регулярных заседаниях СТК, им не удалось разработать бассейновый режим (Aldalooi L.H., 2024, с.599). Следует отметить, что время проведения заседаний СТК (1982-1993) считается периодом, когда водные вопросы неизбежно перешли в сферу высокой политики вследствие накопившихся проблем между прибрежными странами (Kibaroglu A., Scheumann W., 2013, с.286). От ответа на этот вопрос зависело окончательное решение: «совместное использование» «международных рек», или же разработка трехстороннего режима для определения правил «использования трансграничных водотоков» (Kut G., 1993, с. 8-10).

Пока проекты Турции ограничивались удовлетворением ее энергетических потребностей, то есть до второй половины 1980-х годов, протесты государств, расположенных ниже по течению, ограничивались периодом затопления плотин. Когда же Турция сместила акцент проекта с гидроэнергетического использования воды на комплексное региональное развитие в конце 1980-х годов, она начала сталкиваться с более серьезным сопротивлением как со стороны Сирии, так и со стороны Ирака. Первый признак растущей проблемы начался с финансирования GAP. Сирия и Ирак (вместе с Саудовской Аравией) сумели убедить Всемирный банк, что банк не должен финансировать GAP, пока Турция не разработает соглашение о сотрудничестве (Bölükbaşı S., 1993, с.14). С того момента стали циркулировать предположения, согласно которым при полной реализации GAP долю Сирии в реке Евфрат сократится на 40%, а Ирака – на 80% (Eskioğlu R., 2019, с.73).

Названный «Трехэтапным планом оптимального, справедливого и разумного использования трансграничных водотоков бассейна Тигра и Евфрата», план включал элементы для про-

рыва. Во-первых, Турция предлагала совместные действия по определению общего использования вод всеми тремя странами, тем самым косвенно отказываясь от полного суверенитета над реками, формально не называя его таковым. Во-вторых, план предполагал применение высоких и соответствующих технологий для минимизации потребностей в воде для сельского хозяйства, тем самым вводя элемент сохранения как существенного решения того, что по сути является проблемой дефицита ресурсов. Вместе с планом Турция также предложила регулировать сток реки Евфрат в соответствии с сезонными потребностями стран, расположенных ниже по течению, в пределах среднегодового стока 500 куб. м/с. Сирия и Ирак, однако, настаивали на увеличении минимальной квоты до 700 куб. м/с - около 70 процентов среднего стока - до тех пор, пока не будет согласовано окончательное распределение вод Евфрата между прибрежными государствами (Bilen Ö., 2000, с.76-77). Турция не заключила с Сирией и Ираком многостороннего окончательного соглашения о распределении стока Евфрата-Тигра; вместо этого были подписаны двусторонние временные протоколы, главным из которых для Сирии стал протокол об экономическом сотрудничестве от 17 июля 1987 г., подписанный в ходе официального визита президента Турции Т. Озала в Дамаск. Статья 6 протокола содержала обязательство Турции сбрасывать минимальный среднегодовой объем в 500 куб. м/с из вод Евфрата «до окончательного распределения» вод реки между тремя странами. В протоколе также утверждалось стремление Турции и Сирии совместно с иракской стороной работать над распределением водных ресурсов рек Евфрат и Тигр в кратчайшие сроки. Кроме того, стороны договорились об осуществлении совместных ирригационных и энергетических проектов (Resmî Gazete.- 1987, 10 Aralık, с. 2). Вторым протоколом было соглашение о сотрудничестве в области безопасности. Содержание протокола не было раскрыто, но, по сути, он был связан с давлением Турции на Сирию с целью прекращения ее поддержки сепаратистского терроризма РПК (Kut G., 1993, с.8-10). Да, сразу после визита Озала были закрыты лагеря РПК на сирийской территории. Однако с дозволения Дамаска террористические лагеря переместились в контролируемую Сирией долину Бекаа. Сирия, делая вид, что выполняет свои обязательства по улучшению двусторонних отношений, продолжала закрывать глаза на то, что боевики РПК используют ее территорию для совершения терактов против Турции (Baskın Oran, 2002, с.137). Особенно последним протоколом сирийское правительство признавало РПК террористической организацией, деятельность которой официально запрещалось в Сирии. Однако и эти соглашения фактически остались на бумаге и не положили конец поддержке РПК сирийскими властями (Gökcan Ö., 2018, с. 181-182). Между Сирией и Ираком в конце 1980-х годов также интенсифицировались контакты по водным вопросам. 17 марта 1989 года было заключено соглашение, согласно которому установленная доля Ирака на иракско-сирийской границе определялась на основе общего годового расхода в размере 58% от стока реки Евфрат, проходящего через территорию Турции в Сирию в районе Джераблус, а доля Сирии в воде реки составляла 42%. Соглашение касается только стока реки Евфрат на сирийско-иракской границе и не охватывает весь бассейн (Electronic resource, October 15, 2023, с. 6). Турция официально не признала это соглашение. Она утверждала, что юрисдикция третьей стороны в отношении международного статуса Евфрата не могла быть установлена без участия Турции (Yıldız D., 2025, с. 4).

Заключение

Итак, период 1960-1980-х годов стал эпохой трансформации водных отношений между Турцией, Сирией и Ираком. За эти три десятилетия вода из природного ресурса превратилась в инструмент геополитического влияния и национальной безопасности. Попытка создать как в 1960-начале 1970-х годах, так и в 1980-х годах такой институциональной структуры, как СТК, фактически не возымела ожидаемого эффекта, поскольку прибрежные страны не смогли договориться о принципах распределения водных ресурсов бассейна. Соглашения 1987 и 1989

годов стали временными компромиссами, но не решили фундаментальных противоречий. Отсутствие институциональной структуры, неравномерное распределение воды и политизация вопроса сделали бассейн Тигра и Евфрата одной из наиболее напряжённых зон на Ближнем Востоке.

Еще одним немаловажным обстоятельством выступала своего рода «сцепка» водной повестки с вопросами безопасности и регионального развития. Турция, обладая географическим и технологическим преимуществом, использовала гидроэнергетические проекты не только для экономического роста, но и для политического давления на страны нижнего течения. В свою очередь, Сирия стремилась использовать «курдскую» карту против Турции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Al-Ansari, N. Geopolitics of the Tigris and Euphrates Basins / N.Al-Ansari, N.Adamo, S.Knutsson (et al.) // *Journal of Earth Sciences and Geotechnical Engineering*, - 2018, Volume 8, № 3, - pp. 187-222.

Aldalooi, L.H. Hydro-Political Relations Between Turkey and Iraq Over the Tigris and Euphrates Rivers: Dyadic Relationships and Structure Matter // *Middle East Critique*, - 2024. 33 (4), - pp. 593-609.

Bilen, Ö. Turkey & Water Issues in The Middle East / Ö. Bilen.-Ankara: Afşaroğlu Printing House, - 2000.-257 p.

Bölükbaşı, S. Turkey Challenges Iraq and Syria: The Euphrates Dispute // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, 1993. Volume 16, № 4, pp. 9-32.

Çarkoğlu, A., Eder, M. Domestic Concerns and the Water Conflict over the Euphrates-Tigris River Basin // *Middle Eastern Studies*, - 2001. Volume 37, №1, - pp. 41-71.

Daoudy, M. Asymmetric Power: Negotiating Water in the Euphrates and Tigris // *International Negotiation*, - 2009. 14, - pp. 361-391.

Eskioğlu, R. Arap Baharına Kadar Türkiye-Suriye İlişkileri // *Çağ Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, - 2019. Cilt 16, Sayı 1, - s.70-80.

Gökcan, Ö. Türkiye-Suriye ilişkilerinde bir kırılma noktası: ekim 1998 krizi veya diğer bir ifadeyle “ilan edilmemiş savaş” // *Akademik İncelemeler Dergisi*, - 2018. Cilt 13, Sayı 1, s.169-198.

Kibaroglu, A., Scheumann, W. Euphrates-Tigris rivers system: political rapprochement and transboundary water cooperation // *Turkey's Water Policy. National Frameworks and International Cooperation*. / Editors: A. Kibaroglu (et al.). – Heidelberg: Springer-Verlag, - 2011. - pp. 277-299.

Kibaroglu, A., Scheumann, W. Evolution of Transboundary Politics in the Euphrates-Tigris River System: New Perspectives and Political Challenges // *Global Governance*, - 2013. №19, - pp. 279-305.

Kibaroglu, A., Ünver, O. An Institutional Framework for Facilitating Cooperation in the Euphrates-Tigris River Basin // - Dordrecht (The Netherlands): *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice*, – 2000. Volume 5, №2, - pp. 311-330.

Kut, G. Burning waters: The hydropolitics of the Euphrates and Tigris // *New Perspectives on Turkey*, Fall 1993, 9, pp. 1-17.

Lorenz, F.M. The Euphrates Triangle: Security Implications of the Southeastern Anatolia Project / F.M. Lorenz, E.J. Erickson - Washington, D.C.: National Defense University Press, - 1999. - 56 p.

Syrian Arab Republic. Reporting on global SDG indicator 6.5.2: (Electronic resource) /October 15, 2023, 47 p. URL: https://unece.org/sites/default/files/2025-01/Syrian%20Arab%20Republic_3rdReporting_SDG652_2023_NaN_web.pdf

The Treaty of Friendship and Neighborly Relations between Iraq and Turkey, Protocol on Flow Regulation of the Tigris and Euphrates rivers and of their tributaries, on 29 March 1946: (Electronic

resource) / – Nations Unies –Recueil des Traites, №580. URL: https://www.internationalwater-law.org/documents/regionaldocs/Iraq-Turkey-Friendship_1946.pdf

Turan, I. The Water Dimension in Turkish Foreign Policy // Turkey's Water Policy. National Frameworks and International Cooperation / A. Kibaroglu (et al.) (editors) - Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, - 2011.- pp. 179-195.

Türk Dış Politikası: kurtuluş savaşından bugüne. Olgular, belgeler, yorumlar (Cilt II 1980-2001) / Editör: Baskın Oran.- İstanbul: iletişim Yayınları,- 2002. - 637 s.

Türkiye Cumhuriyeti ile Suriye Arap Cumhuriyeti arasında ekonomik işbirliği protokolü, 17 Temmuz 1987// Resmî Gazete. 1987, 10 Aralık, Sayı 19660, s. 2-5.

Water as a source of cooperation or conflict in The Middle East / Principal Investigator: Thomas Naff, Director of Middle East Research Institute, University of Pennsylvania.- Philadelphia: (Westview Press), 1984.-225 p.

Williams, P. Euphrates and Tigris Waters Turkish-Syrian and Iraqi Relations // Water resource conflicts and international security: a global perspective. Lanham, Md.: Lexington Books,- 2012.- pp.19-49.

Yıldız, D. Türkiye-Iraq Water-Energy Cooperation is an important hydro-strategic step // World Water Management, Diplomacy & Science News-2025. 10024,-pp.1-5.